

Из отчетов Н. И. Пирогова о действиях сестер Крестовоздвиженской общины

I

[Севастополь, 4 января 1855 г.]

Я назначил для симферопольских госпиталей первое отделение общины, состоявшее из 35-ти сестер, и старался в продолжение двухнедельного пребывания моего в Симферополе распределять их преимущественно по тем госпиталям, где была помещена большая часть раненых.

Уже на другой день по приезде моем, сестры, под руководством достойной начальницы [А. П. Стахович], начали, по указаниям моим, уход за больными. Они были распределены по две и по три на госпиталь, смотря по величине оного.

Несмотря на всякого рода помощь, которую оказывали им жители и начальство, они должны были бороться с многочисленными затруднениями; для проезда по грязным улицам города, при продолжительной дождливой погоде, они часто имели в распоряжении своем только телеги. В комнатах больных они подвергались днем и ночью опасности от заразы и от простуды. Нельзя было не дивиться их усердию, деятельности при уходе за больными и их истинно стоическому самоотвержению. Малейшие желания страждущих, даже капризы их, исполнялись самым совестливым образом. В самом деле, трогательно было видеть, как многие из сестер, еще молодые и неопытные (опытные лучше

умеют рассчитывать меру деятельности и сил своих), наперерыв старались помогать медику и больному с полным самопожертвованием. В течение короткого времени уже были заметны плоды их [...] деятельности. Они не пропускали ни одного обстоятельства в трудном и запутанном госпитальном лечении: их бдительный глаз был направлен на раздачу лекарств, на облегчение страданий, на пищу больных. Днем и ночью они старались доставлять больным теплое питье и пр. Все мои предписания о раздаче чаю, вина, бульона, кофе и других припасов, которыми я снабдил госпитали от щедрот ее императорского высочества и из пожертвований частных лиц, исполнялись ими в точности. Сестры мужественно переносили вид текущей крови, многообразных мучений и тяжких язв в этих жилищах страдания и смерти.

Уже один вид женщин, помогающих страждущим, был утешителен. В доказательство, что попечение сестер о раненых истинно облегчает солдат наших, может служить следующий случай: тяжело раненый, весьма беспокойный после операции солдат настоятельно просил, чтобы одна из сестер оставалась при его постели. На вопрос, почему он этого желает, он отвечал: «хоть потолкайся, матушка, около меня, так мне уж легче будет».

Неутомимое это рвение и это самоотвержение, к сожалению, не могли остаться без вредного влияния на здоровье сестер. Четырнадцать из них теперь еще лежат больными, а две умерли. Сама начальница, которая тоже приняла на себя попечение о больных, также лежит в тифусе. Но именно это печальное обстоятельство служит лучшим доказательством их самоотвержения. Я надеюсь, что оно предостережет, но не устратит их.

II

[Севастополь, март—апрель 1855 г.]

Деятельность сестер в Севастополе началась собственно с 12 января, когда сюда прибыло сначала 2-е отделение, состоявшее из 13 сестер; между тем как 1-е, болезнью начальницы и многих сестер, было задержано в Симферополе. Шесть дней спустя, 18 января, прибыло 3-е отделение, состоявшее из 8 сестер; 21 февраля — 1-е из 26, и наконец — 4-е отделение из 20 сестер. В то же время произошли в самом городе некоторые изменения в распределении больных и перевязочных пунктов. Большая часть раненых переведена на Николаевскую батарею, и многие дома

частных лиц заняты под новый перевязочный пункт и под два или три различные госпитальные отделения. Вследствие этого сделалось также необходимым распределить сестер по этим различным отделениям. Распределение сделано таким образом, что некоторым из сестер, *хозяйкам*, вверено все хозяйство, приготовление кушанья, питей, раздача чаю, кофе, вина и т. д.; другим, *аптекарям*, отданы на руки малые аптеки, устроенные при госпитальных отделениях; прочие сестры предназначены для дежурства и для помощи врачам при перевязке и операциях. По прибытии 1-го и 4-го отделений, таким же точно образом были наделены сестрами два госпиталя, расположенные вне самого города, в Александровских казармах, на так называемом 3-м перевязочном пункте, и на Северной стороне. Это распределение занятий между сестрами оказалось совершенно удовлетворительным и благодетельным для хождения за больными, ибо, во-первых, соответствовало личным способностям сестер и, во-вторых, вещи, собранные посредством благотворительных приношений, и деньги, раздаваемые раненым от правительства, всего надежнее могли быть вверены сестрам Креста.

Уже давно известно по опыту, как вредно оставлять деньги в произвольное пользование больных в госпиталях. Злоупотребления разного рода суть неизбежные того последствия. С другой стороны, в высшей степени важно для нравственного успокоения страждущих и умирающих, чтобы они могли передавать свою последнюю волю о распоряжениях касательно их собственности таким лицам, которые были бы в состоянии заслужить их доверие. Сделанное мною распоряжение, что сестры должны хранить деньги солдат, вполне соответствует обеим этим целям. Теперь уже находятся значительные суммы таких денег в руках сестер, которые все внесены в шнуровую книгу, с означением имени и полка тех, кому принадлежат. После смерти больных, если ими не оставлено завещания, деньги отсылаются обратно к начальнику штаба, с означением имени умершего. Таким образом, теперь, как хозяйство, так и нравственная сторона севастопольских госпиталей, по крайней мере тех, где я всегда сам находился, вверены сестрам и их надзору.

Особливо в случаях перевода раненых, как часто бывает, из городских госпиталей на Северную сторону и оттуда далее, поручаемый сестрам-хозяйкам надзор за распределением кушанья и питей между больными оказывается весьма полезным, ибо иначе,

второпях перевозки, или вследствие злоупотреблений со стороны слуг, иной больной легко мог бы остаться без обеда. Распределение между больными чаю, кофе, вина стало делаться правильно также лишь по прибытии сестер, к большому удовольствию больных, тогда как прежде, когда дело это было поручено сторонним лицам или слугам, оно или производилось слишком произвольно, или не внушало доверия.

Что касается до аптекаршей из числа сестер, то для хранения и распределения необходимейших, большей частью сильно действующих, средств, как напр. опиума, хлороформа, рвотного винного камня и т. п., избраны из сестер более образованные, которых легко можно было ознакомить как с названием, так и с главными действиями этих средств. Таким образом, теперь каждое госпитальное отделение в Севастополе, независимо от казенной аптеки, имеет под надзором, сестер свой собственный запас употребительнейших врачебных веществ [...].

Наконец, дежурные сестры обязаны непрестанно присутствовать и помогать у приема раненых, при перевязке, при операциях и, кроме того, постоянно днем и ночью, зорко наблюдать за освежением больничных помещений воздухом и за чистотою. В наших госпиталях оба эти предмета, вследствие предрассудков больных и невнимательности больничной прислуги, требуют строгого надзора. Теперь 65 сестер находятся в Севастополе и распределены в 6 различных госпитальных отделениях и перевязочных пунктах; 6 — в Бахчисарае, 15 — в Херсоне, 15 — в Николаеве и 7 по болезни не служат. Две сестры, из всех четырех отделений, со времени прибытия их в Севастополь, умерли от тифа; одна, по болезни получила отпуск.

Из 7 врачей, присланных сюда на иждивение государыни великой княгини Елены Павловны, 6 занимаются под моим руководством на главном перевязочном пункте и в принадлежащем к нему госпитальном отделении на Николаевской батарее. Не считая больших операций, которые они делают ежедневно по несколько раз, на перевязочном пункте, где дежурят днем и ночью каждый из них перевязывает и пользует от 50 до 70 наиболее тяжело раненых. Двое из них, Каде и Беккерс, по требованию генералштаб-доктора, были мною командированы, в конце января, в Евпаторию, где они, во время дела 5 февраля, производили операции, потом сопровождали транспорт раненых в Симферополь и, без малого через 4 недели, возвратились в Севастополь. Двое

врачей, Каде и Дмитров, опасно занемогли: первый — злокачественной лихорадкой, второй — тифом, и последний, по оставшейся у него от болезни слабости, с соизволения ее императорского высочества, уволен в отпуск. Кроме неутомимой деятельности в попечении о больных, выказанной как врачами, так и сестрами в течение 5-ти месяцев, об услугах, оказанных ими нашим раненым, в особенности свидетельствуют четыре у события, составляющие эпохи в осаде Севастополя с ноября месяца: 12 февраля, 4 и 10 марта и последнее 9-дневное бомбардирование Севастополя.

12-го февраля и 10-го марта, дни, в которые наши храбрые войска покрыли себя лаврами при защите Камчатского редута, раненые относились на три перевязочные пункта. Но 4 марта и во время бомбардировки наибольшее их число отнесено на бывший под моим личным управлением главный перевязочный пункт в Благородном собрании, потому что оно всего ближе к 4, 5 и 6-му бастионам, на которые особенно были направлены нападения неприятеля. Во время бомбардирования, в течение 9 трудных дней, все 6 врачей, с 3 другими, ко мне прикомандированными, день и ночь, без смены, занимались приемом и перевязкой раненых.

В летописях науки раны такого рода, с какими мы в продолжение этого времени постоянно имели дело, едва ли не беспримерны. Тысячи 65-фунтовых пушечных ядер и 200-фунтовых бомб являли свою разрушительную силу над человеческим телом. Надлежало действовать без малейшего промедления, чтобы сохранить жизнь, которую уносило быстрое истечение крови. Страшное потрясение всей нервной системы, в весьма многих случаях, делало бесполезным, даже вредным, употребление хлороформа. На трех хирургических столах почти непрерывно подавалась хирургическая помощь, при содействии сестер. Большая танцевальная зала Благородного собрания четыре раза наполнялась сотнями людей, подвергшихся операциям, и четыре раза опять очищалась, чтобы дать место новым страдальцам. Триста ампутаций, не считая других значительных операций, сделано нами в течение первых дней бомбардирования. Особенно утомительно для подающих помощь было то обстоятельство, что после непрерывного, усиленного занятия днем, нельзя было ночь посвятить покою, потому что ночные вылазки и взрывы мин даже по ночам имели последствием новый прилив раненых. Для того чтобы при таком беспрестанном

притоке раненых всегда быть, как можно скорее, налицо — сестры и мы переселились в главный перевязочный пункт и в соседство одного.

Хотя геройство не принадлежит к числу главных добродетелей при совершении благочестивых дел милосердия, однако я не могу пройти молчанием, что независимо от добросовестного и неутомимого выполнения лежащих на них обязанностей, сестры были чужды страха перед опасностью жизни и не обнаруживали отвращения при виде крайне ужасающего зрелища самых страшных разрушений человеческого тела. Бомбы неоднократно падали на 3-й перевязочный пункт, так что один врач, барон Шенгубер, баварский подданный, был убит, другой ранен, 65-ти фунтовое пушечное ядро упало в одну из комнат Дворянского собрания. Бомбы и ракеты часто попадали вблизи этого здания, равно как и в жилища врачей и сестер; несмотря на то, все готовы, без страха и боязни, так же хладнокровно и рассудительно, как доселе, подавать помощь страждущим.

Так как после тщетных усилий неприятеля при последнем бомбардировании, осада Севастополя опять возвратилась почти на прежнюю точку и конца ее кажется нельзя предвидеть, то я должен был решиться, после 6-ти месячного отсутствия, возвратиться в Петербург, тем более что мои ученые работы и предстоящая вблизи столицы война содействуют моему присутствию там крайне необходимым. Медицинско-административная часть в нашей Трое, теперь по крайней мере, сравнительно с тем, что было за 6 месяцев, порядочно устроена.